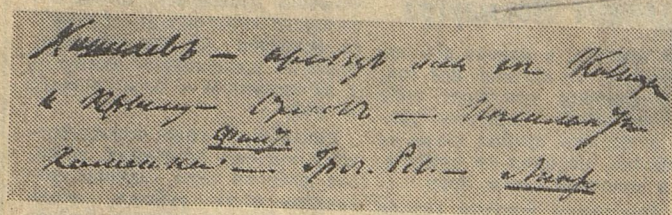

● Поиски, находки

Строка Пушкина

Перед нами — фотокопия рукописи А. С. Пушкина.

Кишиневъ — проездъ мой изъ Кавказа
и Крыму — Орловъ — Испиланти
Каменка — Греч. Рев. — Липр.

После слова «Каменка» сверху вписано сокращенное слово, о нем пойдет речь в этих заметках. Напомним, что генерал М. Ф. Орлов, будучи в Кишиневе, командовал дивизией, а впоследствии привлекался по делу декабристов.

Александр Испиланти был одним из руководителей движения за освобождение Греции.

Липр — подполковник И. П. Липранди, близкий приятель Пушкина в годы его пребывания на юге.

В имении Каменка (Киевской губернии) поэт гостил в конце 1820-го и начале 1821 года, затем в ноябре 1822-го.

Если Пушкин оставил ту или иную непонятную запись, то пушкинисты, пусть не сразу, через сотню-другую лет, вправе догадаться, что же хотел сказать поэт.

Данный камень преткновения торчит на страницах печатных изданий ровным счетом 99 лет. Срок, с точки зрения науки, не слишком продолжительный. В 1884 году В. Якушкин впервые опубликовал запись, фотокопию которой мы здесь приводим.

«Вторая программа» — так именуют специалисты набросанный предположительно в октябре 1833 года план автобиографических записок, посвященных людям и событиям кишиневского периода жизни поэта (1820—1823 годы). В третьей строке, после «Каменка» мы видим сокращенное слово, надписанное чуть выше, затем подчеркнутое снизу. Со времен В. Якушкина это слово читают как «Фонт». Оно стало предметом бескончаемых споров, повело к различным толкованиям.

Прежде всего, конечно, помнили «Фонтан», разумеется, Бахчисарайский. Но при чем тут Каменка? Может быть, при том, думали некоторые, что Пушкин начал работу над поэмой вскоре после возвращения в Кишинев из Каменки. Однако ж остальные пункты «Второй программы» не касаются собственных произведений, а предвещают рассказ о том, что привелось видеть и слышать. К тому же в одном из вступительных набросков поэт объявил, что ограничивает себя ролью лица, «около которого постараюсь собрать другие лица, более достойные замечания...».

Вот по каким причинам ученые принялись среди современников Пушкина подыскивать какую-нибудь схожую фамилию. И что же? Отыскался находившийся в Кишиневе молодой топограф Фонтон, или, точнее, Фантон де Веррайон. Изучили его биографию, убеждения, характер. И заявили отвод: фигура не подходящая, рядом с «Каменкой» и «Греч. Рев.», рядом с Орловым и Испиланти ему не место, это не он.

Перерыли биографии двух или трех Фонтонов, служивших по ведомству иностранных дел. Никакой связи ни с Кишиневом, ни с Каменкой...

Если не Фонтан, не Фантон, то не Фонтанка ли? Немедленно сюда подключили тот факт, что на Фонтанке, у Никиты Муравьева, в 1818—1819 году велись горячие споры, происходили сходки дружеского кружка. Почему же не вообразить, что «Каменка» и «Фонтанка» — па-

раллельные секретные обозначения Южного и Северного общества декабристов?

Вообразить можно многое, но произвольные игры воображения не могут превратить «забавы взрослых шалунов» в нечто иное, в союз, возникший позднее.

ГДЕ ЖЕ истоки ошибки?

Полагаю, что в прочтении. «Фонт» — не читается: заглавную букву признаю, а далее ничего похожего на «онт» не вижу. Читать надо как-то иначе. А как? Жаль, нельзя попросту спросить у Пушкина: подскажите, что здесь написано? Он бы рассмеялся: странная вещь, непонятная вещь. Столько взрослых людей не могут прочесть столь ясное слово.

Для него ясное... Почему же для нас — неясное?

Пушкин неоднократно бывал в Каменке. Не поискать ли там — не в Кишиневе, а в Каменке — чего-то на букву «ф»?

Вместо этого простого вопроса сто лет ушло на решение задачи: какую прочесть букву в том месте, где никакой буквы нет? Не подводил ли нас последний знак в недописанном слове? Он очень похож на «т», но еще более он похож на «д». Пушкин, применявший четыре разных способа написания буквы «д», нередко обозначал ее знаком, неотличимым от двойки, от цифры «2».

Весь секрет в том, что на сей раз цифра «2» не означает букву, а буквально означает... цифру!

Дальнейшее просто. Вместо «Фонт» следует читать «Фаль2». Но что кроется за этим сокращением?

«Фальстаф 2-й»!

Становится понятно, при чем тут Каменка. Именно в Каменке, с супругой Аглаей, с дочкой Адель, проживал Александр Львович Давыдов, по прозвищу «Фальстаф». Главочка о нем не только была намечена, она написана, она сохранилась. Открою том 12-й Большого Академического издания сочинений А. С. Пушкина на стр. 160:

«В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и осл. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего хлостяка. Фальстаф умер у своих приятелей, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, валистый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии позлорядил про себя: «Какой папаша хлаблун! Как папашку госудаль любит!» Мальчишка подслушал и кликнул: «Кто тебе это сказывал, Володя?» — Папинья, отвечал Володя».

СЕГОДНЯ мы с вами прочитали давно известный текст под несколько необычным углом зрения, точно зная, что перед нами не случайный анекдот, а живая страничка автобиографической художественной прозы.

Впрочем, разве мы первые?

Известный пушкинист Илья Львович Фейнберг горячо и настойчиво повторял в книге «Незавершенные работы Пушкина», что многие «утраченные» замыслы Пушкина вовсе не утрачены, а затеряны, запряты, разбросаны по разным томам сочинений. Все дело в том, чтоб их разглядеть, признать и вновь свести воедино. Среди прочих примеров И. Фейнберг обратил внимание на отрывок о Давыдове и предложил считать этот отрывок... частью автобиографических записок!

Илья Львович опирался прежде всего на блестящую интуицию. Но, кроме того, у него был предшественник. Один из первых пушкинистов, П. В. Анненков, еще в 1855 году поместил отрывок о Давыдове в разделе «Остатки Записок (автобиографии) Пушкина».

Возможно, что Анненков от кого-то что-то знал, располагал данными, которые нам неизвестны. Вот почему специалисты нередко учитывают мнения, мимоходом высказанные Анненковым, на правах первоисточника.

Так или иначе, но добрую половину данной находки надо поделить между Анненковым и Фейнбергом. Их оценки во многом прояснили направление поиска, помогли не сбиться с пути. В итоге разгадано лишь одно недописанное, непрочтенное слово. Но это слово подтвердило давние предположения пушкинистов, превратило тонкие догадки в точный факт и сняло повод для произвольных, искусственных построений.

...Вопрос казался решенным. Но вдруг я со всех ног помчался в рукописный отдел Музея Пушкина и попросил показать еще одну фотокопию. Дело в том, что мелькнула догадка. От кого что-то узнал Анненков? Конечно же, «от Пушкина»! Разбираясь в бумагах поэта, не начал ли он с того, что для сравнения положил рядом план «Записок» и отрывок о Фальстафе? И ясно увидел, что и тут и там — одно и то же слово?

Анненкову было легче. Еще не действовала та роковая сила, которую текстологи именуют «гипноз первого прочтения». Ведь только через тридцать лет В. Якушкин ошибочно напечатает «Фонт». И возникнет устойчивый миф, который сто лет застил глаза.

И другое, не менее важное преимущество было у Анненкова: все рукописи — под рукой.

Как сейчас в Ленинграде, в Пушкинском Доме.

Как сейчас в Москве, в Музее Пушкина, любезном обладателе полного комплекта фотокопий...

Александр ЛАЦИС.